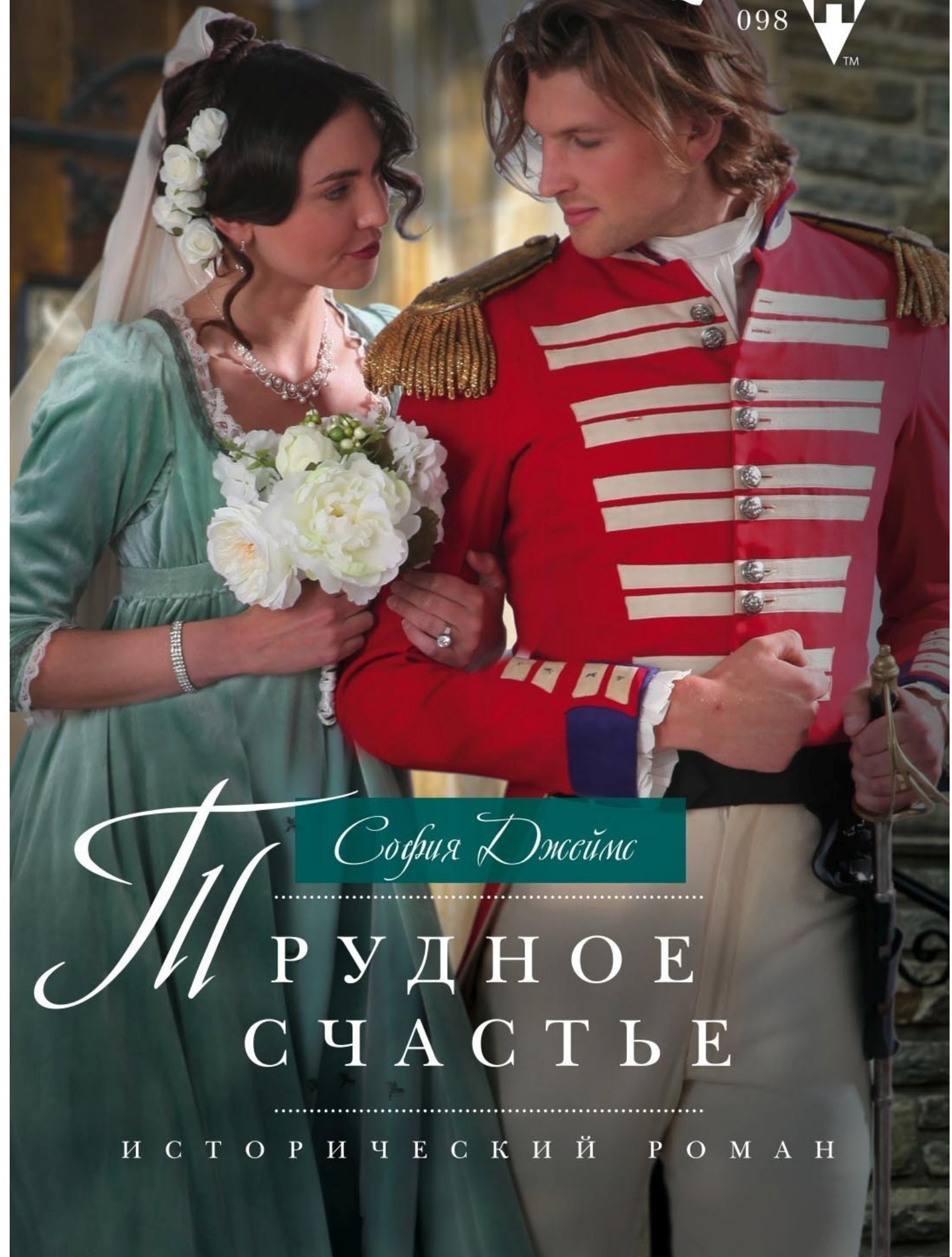

HARLEQUIN®

098

София Джеймс

*Трудное
счастье*

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

София Джеймс

Трудное счастье

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Джеймс С.

Трудное счастье / С. Джеймс — «Центрполиграф»,
2016 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08562-7

Дочь загадочного и беспощадного сеньора Эль-Венгадора Алехандра спасает английского капитана Люсьена Говарда, раненного в битве с наполеоновскими войсками. Алехандра поразила Люсьена не только красотой, но и отвагой, именно она, презрев опасности, помогает переправить Люсьена в Англию. Последнюю ночь они провели вместе. В Лондоне раны Люсьена дали о себе знать, он едва не умер. А когда пришел в себя, понял, что Алехандра – любовь всей его жизни, и он должен, во что бы то ни стало, отыскать ее. Встреча происходит лишь несколько лет спустя, и при более чем странных обстоятельствах...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08562-7

© Джеймс С., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

София Джеймс

Трудное счастье

Marriage Made in Rebellion

© 2016 by Sophia James

«Трудное счастье»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Англичане объявили, что более не намерены соблюдать неприкосновенность представителей нейтральных держав в море. Я же намерен не признавать их и на суше тоже.

Наполеон Бонапарт

Ла-Корунья, Испания, 16 января 1809 года

Капитан Люсьен Говард, граф Росс, был уверен, что его нос сломан, шея, похоже, тоже пострадала. Он лежал на земле, придавленный своей погибшей лошадью.

На помощь врача здесь рассчитывать не приходится. Пройдет еще день, и в гавани уже будет хозяйничать Наполеон вместе со своими генералами. Все кончено, англичане потерпели поражение, суровая зима окончательно сокрушила силы сопротивления, да еще людей по ошибке отправили в Виго, а потом отозвали обратно...

Люсьен оказался в отчаянной ситуации. Передвигаться он не в состоянии, и проклятый холод прикончит его.

Смерти Люсьен не боялся, его тревожило, что ожидание конца может стать затяжным и мучительным. А больше всего бесила собственная беспомощность. Лежа на спине, Люсьен смотрел в небо и отчаянно надеялся, что конец наступит быстро. Он не молился просто потому, что не рассчитывал получить ответ небес на его призыв. На нем слишком много грехов. Он убил столько людей, хороших и плохих, во имя страны и короля! Но стоило увидеть застывший взгляд убитого врага, как ему приходило в голову, что человек всегда остается человеком, на каком бы языке он ни говорил, что его возвращения ждут дома родные. И Люсьена ждут. От этой мысли ему стало грустно, и он постарался не думать о близких.

Наступил вечер, солнце низко склонилось над горизонтом, и скоро совсем стемнеет. В некотором отдалении вдоль рядов оливковых деревьев и алоэ виднелись огоньки смоляных факелов. Похоже, искали выживших. Но у Люсьена не было сил позвать на помощь. Так он и лежал на дороге. С одной стороны возвышалась стена из грубо отесанного камня, с другой – раскинулся чей-то старый сад.

Несмотря на пронизывающий холод, ему почему-то было тепло и хорошо, и слова покаяния наконец пришли на ум сами собой.

– Прости меня, господи, ибо я согрешил.

Это оказалось не трудно. Губы Люсьена расплылись в улыбке. Нет, совсем не трудно.

Английский солдат был весь залит кровью своей лошади. Видимо, постепенно убывавшее тепло тела большого животного спасло его от стужи, позволив дожить до морозного январского утра, какие были не редкостью в это время года в Галисии.

Солдат, скорее всего, был не жилец. Светлые волосы окрасились кровью, лужицей растекавшейся под его головой и продолжавшей сочиться из раны на шее. Солнце уже озарило небо первыми лучами. Повсюду лежали тела убитых. Кто англичанин, а кто француз, было не разобрать – смерть уравнила всех, подумала она. Только генералам могло прийти в голову, что эти чудовищные жертвы могут быть оправданы достойной целью. Больно было думать, что эти молодые люди, гордость и цвет обоих государств, пали на поле боя, так и не успев толком пожить. В досаде она чертыхнулась, потом склонилась над солдатом и сняла с его пальца золотое кольцо с печаткой, чтобы отдать отцу.

Между тем веки англичанина дрогнули, и он приоткрыл глаза. В бледном утреннем сиянии они казались удивительно светлыми, почти прозрачными.

– Еще... не... умер? – произнес солдат на хорошем испанском языке.

– Где болит? – вместо ответа спросила она.

Солдат улыбнулся:

– Легче... сказать... где... не... болит...

Мужчина был удивительно красив. Слишком красив, чтобы умереть вот так, посреди дороги, всеми брошенный и забытый. Праведный гнев укрепил ее решимость. Срубив куст утесника, чтобы расчистить место для задуманного маневра, она отломила от ограды жердь, подсунула ее под шею мертвой лошади и всем телом навалилась на импровизированный рычаг. Ей удалось приподнять тяжелое тело животного. Еще чуть-чуть – и оно перекатилось на бок. С уст мужчины невольно сорвался стон.

– Давай, давай, англичанин, кричи во всю глотку, – произнесла она. – На твоём месте любой бы взвыл. Твои соотечественники ушли морем, а французы хозяйничают в городе, так что никто тебя не услышит.

Кое-кому из английских офицеров удалось благополучно уплыть в сторону родины по опасному, бушующему Бискайскому заливу. Некоторые взяли на борт своих коней, другие скакуны бродили неприкаянные по улицам Ла-Коруньи, а третьим – и число их было весьма велико – посчастливилось еще меньше. Они приняли смерть у прибрежных скал, где им перерезали горло в качестве так называемого акта милосердия. Лучше умереть, чем попасть в руки врага.

Между тем к ней присоединились Адан и Бартоломеу с холщовыми носилками.

– Забирать? – спросили они, указав на раненого.

Она кивнула:

– Только поднимайте осторожнее.

Бартоломеу опустил на корточки и поскреб ногтем заляпанный грязью эполет.

– Капитан, – объявил он.

У нее упало сердце. Отец все больше и больше сомневался в том, что испанцам удастся одержать победу, поэтому старался держаться подальше от любых политических дел. Энрике скорее согласился бы предоставить кров простому солдату, нежели офицеру. А значит, объясняться с отцом будет гораздо труднее.

– В таком случае мы тем более должны его вылечить, чтобы он снова мог идти в бой и принес нам победу.

По непонятной причине у нее возникло предчувствие, что этому человеку суждено сыграть особую роль в их судьбе. Когда он с трудом протянул к ней руку, она сжала ее в своих ладонях, пытаясь согреть ледяную кожу. Адан и Томеу аккуратно перекатали англичанина на носилки, но все же с его губ снова сорвался стон. У него на спине между лопатками сквозь порезанную ткань мундира и рубахи она увидела сразу несколько ран. Похоже, его атаквали саблями, подумала она. Бедняга дрожал всем телом. Стянув с себя шерстяное пончо, она укрыла его им до подбородка.

Томеу поглядел на нее и озадаченно нахмурился.

– Какой смысл возиться с ним? Все равно помрет. Да и какая разница? Англичанам-то что? Приезжают, уезжают... – с возмущением в голосе продолжил он. – А заканчивается одним и тем же.

– Padre Nuestro que estás en los cielos...¹ – вполголоса стала произносить она слова молитвы. Затем положила ему на грудь резные четки, и маленькая группа направилась к дому.

Подле него снова сидел парень, одетый по-крестьянски. Он задремал на стуле, уронив голову на грудь, лицо закрывали поля сдвинутой на глаза шляпы. Люсьена была жестокая лихорадка, но все же он попытался сообразить, где находится.

¹ Отче наш, сущий на небесах... (исп.)

Чуть повернув голову, Люсьен прислушался к доносившимся издали голосам. Разговаривали на улице, на испанском языке. Судя по толстым деревянным сваям и беленым стенам, дом, в котором он находился, располагался где-то на Пиренейском полуострове. Обстановка говорила о том, что владелец его – человек весьма обеспеченный.

Люсьен покосился на тощего паренка. Нет, этот хозяином быть никак не может. Сразу видно, что зарабатывает на жизнь своим трудом. Но тогда, что он здесь делает? Какой хозяин позволит работнику празднично просиживать часами у постели больного? Люсьен взглянул на смуглую лодыжку, выглядывавшую из-под задравшейся штанины над потертым, заношенным сапогом. И тут парень открыл глаза, оказавшиеся темно-зелеными, и с любопытством уставился на раненого.

– Очнулись?

Говорил незнакомец на лионском наречии, разговорном диалекте испанского языка, однако с легким акцентом, происхождение которого Люсьен установить не мог.

– Где я? – спросил он на том же диалекте.

На лице паренка явственно отразилось удивление.

– У друзей, – ответил тот после нескольких секунд колебаний.

– Давно... здесь?

– Три дня. Вас нашли на поле боя возле Ла-Коруны на следующее утро после того, как англичане уплыли.

– А французы?..

– Наверняка празднуют победу и грабят город. Что ж им еще делать? Сулыт вошел в Ла-Коруню вместе со своей армией, надо полагать, по приказу Наполеона. Поэтому сейчас французов там – пруд пруди.

– О боже...

При этих словах, невольно сорвавшихся с губ Люсьена, паренек перекрестился быстрым, едва уловимым движением. Похоже, его смутило, что собеседник произнес имя Господа всуе.

– Кто вы? – почти шепотом спросил мальчишка.

– Капитан Говард из восемнадцатого легкого драгунского полка. Не знаешь, что случилось с английским генералом сэром Джоном Муром?

– Похоронили ночью на холме возле бастионов цитадели. Говорят, погиб как герой, сражаясь бок о бок со своими офицерами. Рассказывают, в грудь ему попало ядро.

При этих словах сердце Люсьена сжалось от острой боли.

– Откуда тебе все это известно?

– Здесь наша земля, капитан. Ла-Коруня всего в трех милях отсюда. Едва ли в округе может случиться что-то, о чем мы не узнали бы сразу.

– «Мы»?

Паренек молчал, однако молчание это было красноречивее любого ответа.

– Стало быть, ты из партизанского отряда? Кто твой командир – Эль Венгадор?² Мститель? Он ведь, кажется, в здешних местах действует?

Но парень, вместо ответа, сам задал вопрос:

– Где вы так хорошо выучились говорить по-испански?

– За пять проведенных в ваших краях месяцев...

– Да, но для пяти месяцев вы говорите слишком бегло. – В голосе парня явственно слышалось недоверие.

– Просто я очень внимательный и умею слушать.

Люсьен обратил внимание на тонкую шею собеседника и на участившееся биение пульса под его кожей. Затем рука нервно сжалась в кулак. Сломанный ноготь, старый шрам на боль-

² Мститель (*исп.*).

шом пальце. «А пальцы-то у нас тонкие, даже изящные... И сразу видно, что левша». Удивительно, сколько можно узнать о человеке, всего лишь наблюдая за его движениями. Во-первых, перед ним вовсе не паренек, а девушка, а во-вторых, она его определенно побаивается.

– Кто вы такая, сеньорита?

При этих словах незнакомка стремительно вскочила, положила руку ему на шею и надавила пальцами – для начала чуть-чуть, едва заметно, потом сильнее и сильнее.

– Хоть полусловом кому-то обмолвитесь о ваших... подозрениях, вам конец, desconocido³. Дайте слово, что будете молчать, иначе не встанете с этой постели.

Люсьен огляделся по сторонам. Дверь в комнату закрыта, стены толстые. Никто не услышит призыва на помощь.

– Думаю... не для того... вы меня... спасали... чтобы... убить... сейчас...

Оставалось надеяться, что Люсьен прав, потому что дышать становилось все труднее и труднее. Когда эта особа наконец убрала руку с его шеи, Люсьен ощутил громадное облегчение и тут же себя за это возненавидел. Подобная трусость делает его слишком уязвимым.

– Другие отнесутся к вашим... догадкам отнюдь не так снисходительно, как я, так что в ваших интересах следить за языком. Учтите – все обитатели этого дома готовы защищать меня даже ценой жизни.

Он кивнул и отвел взгляд. В зеленых глазах неизвестной особы читалась напряженная тревога.

– Значит, рискну предположить, что вы – хозяйская дочь.

Люсьен сменил диалект на благородный кастильский, язык, на котором разговаривали аристократы при королевском дворе. Девушка на мгновение застыла, затем, ни слова не сказав, вышла, прежде чем Люсьен успел сказать что-то еще.

Кто он, черт возьми, такой, этот незнакомец с прозрачными голубыми глазами, от взгляда которых ничего не ускользает, с волосами, на ощупь напоминающими шелк, и с телом, покрытым боевыми ранениями! Не простой солдат, это уж наверняка. К тому же ей было прекрасно известно, что легкие драгунские полки сражались под началом Пэджета в Сан-Кристоваль, этого же человека они нашли к востоку от Пьедралонги – то есть в двух милях от того места, где ему надлежало быть, если он говорил правду. Значит, он воевал в войсках под командованием Хоупа?.. Она озадаченно нахмурилась.

Капитан Говард говорил на лионском диалекте, потом на кастильском, причем с легкостью перешел с одного на другой. Кто же этот человек на самом деле и какие тайны скрывает? Что, если он представляет опасность для их дела? При одной мысли о том, что это она велела притащить его сюда, ее охватило чувство вины. Надо поделиться своими подозрениями с отцом и остальными. Приказать, чтобы под покровом ночи его вынесли из дома и оставили где-нибудь подальше от гасиенды, там, где ему помогут. Впрочем, какая разница? Пусть заботится о себе сам. Но вместо этого...

Вместо этого она подошла к одному из окон своей комнаты. Глядя на темневшее вдалеке море, она размышляла о капитане. Было между ними что-то общее. Человек, оказавшийся в чуждой среде и вынужденный принять иное обличье, чтобы избежать опасностей. Когда она его немного придушила, он даже не сопротивлялся – просто выжидал, будто заранее знал, что она не доведет дело до конца.

Чертыхнувшись себе под нос, она захлопнула ставни и отошла от окна.

Лежа без сна, Люсьен прислушивался. Сначала из коридора донесся тихий шелест нижних юбок служанки, потом послышались чьи-то тяжелые шаги. Похоже, слуга гасил светиль-

³ Незнакомец (*исп.*).

ники на ночь. Судя по звукам, коридор представлял собой открытую галерею, обращенную к морю. Когда его спасительница, выходя из комнаты, открыла дверь, он почувствовал в воздухе соль и услышал шум волн. Девушка сказала, что отсюда до Ла-Коруни три мили, однако это место явно расположено ближе к морю, чем город. Отсюда до берега не больше мили, а если ветер по-прежнему дует с севера, как три дня назад, то еще меньше. Во всяком случае, с тех пор ветер стал слабее, поскольку ставни двустворчатого окна совсем не скрипели. Разглядывая металлические детали, покрытые патиной, Люсьен сделал вывод, что здание старое. Сбоку от широкой притолоки он заметил царапины. Но, приглядевшись, понял, что это не просто царапины, а зарубки, выстроившиеся аккуратными столбиками. Что это – дни? часы? месяцы? Люсьен лежал слишком далеко, чтобы рассмотреть их получше. Почему эти отметины оставили на стене?

На маленьком деревянном столике возле кровати лежала Библия. Рядом стояла бронзовая статуэтка Иисуса Христа с терновым венцом на голове. Сверху на стене Люсьен увидел украшенный богатой резьбой золотой крест. Выходит, хозяева дома – католики и определенно люди набожные. Малейшее движение стоило Люсьену острой боли в израненной спине. Французы хорошо отделали его своими саблями, когда он пытался угнаться за войсками генерала Хоупа.

Между тем Люсьен ощутил, что жар усиливается. Его трясло в лихорадке. Вот бы та девушка вернулась, принесла ему воды и хоть недолго посидела подле него... Однако в комнате царил все та же тишина.

Но вернулась незнакомка только ранним утром. На этот раз она привела с собой крупного мужчину лет пятидесяти, одетого в весьма эффектный алый с голубым доломан эстремадурского гусара, и двоих молодых людей.

– Позвольте представиться, капитан. Я – сеньор Энрике Фернандес де Кастро, так же известный как Эль Венгадор. Насколько понимаю, вы обо мне слышали?

Люсьен окинул оценивающим взглядом знаменитого командира местных партизан. Суровые темные глаза, пышные усы... В здешних местах этот человек пользовался немалым влиянием, и поэтому его боялись. Дочь была на него совсем не похожа.

– Если английские войска не вернутся, Испании не справиться в одиночку. Наше дело будет проиграно, капитан, – произнес он на чистейшем кастильском диалекте.

– Увы, сеньор, испанские генералы сами поставили себя в весьма трудное положение. Повезло еще, что французские войска так плохо организованы. Если бы Наполеон лично отправился на Пиренейский полуостров, вместо того чтобы поручать командование армией брату, разгром был бы еще более сокрушительным, – ответил на это Люсьен.

Пожилый мужчина выругался.

– В Испании не место узурпаторам, силой захватившим корону, которая не принадлежит им по праву. Королевский род Бурбонов не в силах бороться с этим врагом, только партизанские войска способны выбить французов с испанской земли – ведь, как вы верно заметили, наша армия сейчас раздроблена и находится в весьма жалком состоянии.

Испанская армия раскололась на несколько различных хунт, не ладящих между собой, и была очень неэффективна. Джон Мур и британские экспедиционные войска так и не дождалась испанского подкрепления, лишь стали свидетелями постоянных ссор и раздоров.

Девушка слушала внимательно, настороженно поглядывая на Люсьена. Одетая она сегодня была в мундир, похоже снятый с английского пехотинца. Этот алый оттенок чудесно шел к смуглому тону ее кожи. Спыхватившись, что разглядывает ее слишком пристально, Люсьен торопливо отвел взгляд.

Эль Венгадор отступил на шаг.

– Прямо сейчас сапоги солдат Сульта и Нея топчут северную землю, но юг пока остается свободным.

– Потому что британские экспедиционные войска перетянули все внимание на себя.

– Возможно, – с задумчивым видом кивнул Эль Венгадор. – Позвольте спросить, где вы так хорошо выучили наш язык?

– Несколько лет провел на острове Доминика, потом на Мадейре.

– Но вы говорите на местном наречии, а не на диалекте тех мест, – возразил Эль Венгадор.

– Все учителя хвалили меня за чуткий слух и умение в точности воспроизводить услышанное. В Испании я уже довольно давно, поэтому время освоиться было, – улыбнулся Люсьен.

– А почему вас нашли за линией английских войск? Драгуны восемнадцатого полка, к которому вы якобы принадлежите, сражались в нескольких милях от того места, где обнаружили вас. Можете объяснить, почему вас не было среди однополчан?

– Генерал Мур отправил меня на разведку к берегу моря, чтобы посмотреть, не идут ли британские корабли. Суда уже должны были зайти в гавань, однако почему-то запаздывали, и это его беспокоило.

– Стало быть, вы шпион?

– Предпочитаю именоваться разведчиком.

– Называть можно по-разному, но суть от этого не меняется, – парировал командир партизан, однако ответ Люсьена позабавил его, и он рассмеялся, что сразу разрядило обстановку.

Искоса взглянув на девушку, Люсьен заметил, как она хмурится, наблюдая за ним. Сегодня на ее левой скуле красовался багровый кровоподтек, которого вчера не было. Похоже, в этом доме существуют свои подводные течения, в которых не помешает разобраться.

Было ясно, что Венгадор недоволен присутствием Люсьена на гасиенде. А пистолет на поясе и патронташ наводили Люсьена на мысль, что следует быть осмотрительным. Одно неосторожное слово может стоить ему жизни. Между тем Эль Венгадор сообщил:

– В Испании каждый мужчина и каждая женщина вооружены до зубов. Даже у самых слабых припасены склянка с ядом, удавка или нож. У нас никто не считает Наполеона освободителем, и его войска не одержат верх. Признаю, его звезда была в зените, когда он подписал Тильзитский мирный договор, но теперь и сила, и слава узурпатора начали постепенно убывать. *C'est le commencement de la fin*⁴, капитан, и французы прекрасно это понимают.

– Кого цитируете? Надо полагать, Талейрана? Будем надеяться, эти слова окажутся пророческими.

До Люсьена доходили слухи о хитроумном французском епископе, намеренном заключить надежный мирный договор за спиной императора с целью сохранить и закрепить документально французские завоевания времен Великой революции.

– Вижу, вы хорошо осведомлены. Но наши источники информации не уступают вашим. В нынешние времена нужно следить за языком, особенно когда разговариваешь с незнакомцем, – заметил Эль Венгадор.

Люсьен кивнул, будто и впрямь был согласен с Эль Венгадором. Когда же тот отступил на шаг, раненый едва не вздохнул от облегчения.

– Вас отправят на корабле в Англию. На борт вас сопроводит Томеу. Но прежде, чем покинете нас, позвольте обратиться с одной маленькой просьбой. Ваше звание дает вам доступ в высшие эшелоны английского командования, а нам необходимо узнать, каковы намерения британского парламента. Что они собираются предпринять? Намерены ли они и дальше бороться с французами в Испании? Нашего связного узнаете по особому знаку – вот по этому.

Эль Венгадор достал из кармана брошь с крупным рубином и показал Люсьену, золотая оправа ярко сверкнула в солнечном свете.

⁴ Это начало конца (*фр.*).

– Нам пригодится любая информация.

С этими словами Эль Венгадор покинул комнату. Оба молодых человека последовали за ним, девушка же осталась.

– Он вам верит, – через некоторое время тихо произнесла она. – Иначе этот разговор не продолжался бы так долго.

– Эль Венгадор знает, что мне известна... э-э... ваша тайна? – Люсьен жестом указал в ее сторону.

– О чем вы? Если о том, что я женщина, то да. Вы же слышали его предупреждение.

– Тогда почему он оставил вас здесь, наедине со мной?

Девушка рассмеялась:

– Неужели сами не догадываетесь, капитан?

– Черт возьми! Неужели связным будете вы?

– Почему бы и нет? Женщине открыт доступ во многие места, куда мужчине хода нет, – с вызовом произнесла она и горделиво вскинула подбородок. Стало еще больше заметно, как сильно ее щека распухла от удара.

– Кто вас так?

– В военное время трудно бывает сдерживать чувства.

В первый раз с момента их знакомства, если это можно так назвать, девушка покраснела. Люсьен потянулся и взял ее за левую руку, ощутив тепло и мягкость ее кожи.

– Сколько вам лет?

– Скоро двадцать три.

– Значит, вы уже достаточно взрослая, чтобы понимать, насколько опасно заниматься шпионажем. К тому же не всем мужчинам... э-э... можно доверять.

– Намекаете на мужское сластолюбие?

– Можно и так сказать...

– Капитан, во-первых, это Испания, а во-вторых, едва ли меня можно назвать наивной, неопытной девчонкой.

– Я так и понял. Вы ведь замужем?

Девушка промолчала.

– Ах вот оно что. Значит, были замужем, но остались вдовой.

– Как вы узнали?

Люсьен осторожно повернул ее руку и дотронулся до основания безымянного пальца.

– Вот здесь остался след от обручального кольца. Едва заметная светлая полоска.

Ее поразила пронизательность этого человека. Странно, но в его присутствии ее охватывали совершенно неуместные ощущения. Поэтому она торопливо высвободила руку, порывисто встала и отошла к окну.

– Как ваше имя? – поспешно сменила она тему. – Должна же я как-то к вам обращаться.

– Люсьен.

– А меня мать нарекла Анной-Марией, но отцу это имя не пришлось по вкусу. Когда мне было пять лет, он изменил его на Алехандру, что означает «защитница». Я единственный ребенок в семье.

– Стало быть, мечте Эль Венгадора о сыне и наследнике не суждено было исполниться, поэтому он старался воспитать мужчиной вас?

И снова Алехандра была застигнута врасплох его пронизательностью.

– Неужели вы поняли это, всего лишь взглянув на моего отца?

Англичанин покачал головой:

– Нет, не только. Еще я обратил внимание на то, что он позволяет вам наряжаться в мужской костюм и бродить по полям сражений, несмотря на опасности, которые могут вас там

подстергать. Не сомневаюсь, отец обучил вас и стрелять, и управляться с ножом, но вы так хрупки и миниатюрны. . . Должен сказать, вы сильно рискуете.

– А вам не приходило в голову, капитан, что мой внешний облик – скорее преимущество, чем недостаток? Ведь ждут нападения от льва, а не от маленькой мышки.

Англичанин снова невольно взглянул на ее щеку.

– Я сломала запястье человеку, который это сделал.

Он улыбнулся, отчего на разбитой губе выступила капелька крови.

– За что же этот негодяй вас ударил?

– Он заявил, что английские раненые заслуживают быть брошенными на произвол судьбы, пусть гниют во вражеском плену, это будет наказанием за то, что сбежали с поля боя.

– Как посмотрю, ваш знакомый весьма суров и категоричен.

– Отец тоже разделяет его чувства, но понимает: на войне как на войне. Впрочем, вам и самому это прекрасно известно. Врач сказал, что шрамы на вашей спине, скорее всего, останутся на всю жизнь.

– То есть хотите сказать, что я выживу?

– А вы в этом сомневаетесь?

– Был совершенно уверен, что нет, пока не появились вы.

– Уверяю, вам еще грозит множество опасностей, капитан. Плавание будет нелегким, к тому же такие глубокие раны, как у вас, в любой момент могут воспалиться и привести к лихорадке.

– Сразу видно, что вы не слишком опытная сиделка, сеньора. Обычно те, кто ухаживает за больными, стараются их ободрить.

– По-моему, вы и так достаточно бодры, капитан Говард.

– Даже притом что французы порезали мне спину в лоскуты?..

– Совершенно верно. К тому же я уверена, это не первые ваши ранения. На Мадейре и Доминике ведь тоже опасно, не правда ли?

– Не сказал бы. Наш полк все время службы маялся от безделья, но отзывать нас не спешили. Какой политик отважится оставить без присмотра столь плодородные земли?

– Думаю, желающих поступить подобным образом не больше, чем тех, кто готов отказаться от набивания собственного кошелька ради торжества справедливости.

Англичанин рассмеялся:

– Верно подмечено.

Его улыбка была неотразима, однако Алехандра заставила себя отвернуться. Этот мужчина красив даже с разбитой губой и подбитым глазом. Кроме того, он мужественный, любой другой на его месте стонал бы от боли. А капитан не только не жаловался, но еще и наблюдал за всеми, кто входил в его комнату. Его светло-голубые глаза светились живым умом. На что же способен такой человек, когда он в добром здравии? Похоже, англичанин так же несокрушим, как и ее отец. Опасно иметь такого врага.

Уже собираясь уйти, Алехандра сказала:

– Отец считает, что война на Пиренейском полуострове может затянуться и за это время погибнет много достойных людей. Отец полагает, что именно Испания должна встать на пути у алчного императора. Поэтому он стал Эль Венгадором, то есть мстителем. Он уже не верит, что можно чего-то добиться, соблюдая военный этикет. Нет, он убежден, что для победы тому, кто хочет одержать верх, придется заниматься шпионажем и тайными вылазками под покровом ночи.

– Вы тоже так считаете? И поэтому отправитесь в Англию с рубиновой брошью на груди?

– Когда-то я была совсем другим человеком, капитан. Но потом французы убили мою мать, и я встала под знамя отца. Теперь все, что движет любым испанцем, капитан, – жажда мести, и совету вам об этом не забывать.

– Когда убили вашу мать?

– Почти два года назад, но с тех пор столько переменялось, что иногда мне кажется, что прошла целая жизнь. Отец любил ее так, что в сердце его не было места ни для кого другого.

– Даже для вас?

Глаза Александры блеснули от гнева, однако она быстро взяла себя в руки. Он невольно отвернулся, думая о собственной утрате. Как узнать, спаслись ли его люди, или, спеша уплыть, английские войска бросили их на берегу?

Люсьен раз десять – или даже больше – поднимался на маяк, известный под названием Башня Геркулеса, и высматривал, не покажется ли на серой холодной глади вод Атлантического океана долгожданная эскадрилья. Но корабли прибыли с большим опозданием, а между тем войска французского генерала Сульта приближались.

Люсьен подумал о Джоне, Филиппе, Хансе, Джузеппе и остальных членах собранной им разношерстной компании, состоящей из дезертиров и отщепенцев всех мастей. Главными критериями отбора для Люсьена были способности к иностранным языкам и хорошая интуиция. Он хорошо обучил и натренировал свою команду. Вместе они работали как отрегулированный механизм, собирая информацию по крупицам, складывая из деталей цельную картину и делая соответствующие выводы.

Ни одна армия не может существовать без надежных линий коммуникации. В обязанности Люсьена и его подчиненных входило следить за тем, чтобы каждая депеша или рапорт были доставлены в срок и по назначению, а все отданные приказы исполнены в точности. Но иногда от них требовалось нечто большее – например, перехватить что-то из корреспонденции французов, будь то важный документ или даже личное письмо, в котором содержались ценные сведения.

В группе Люсьена причудливо смешивались многие национальности, и она лишь условно являлась частью английской армии. Поэтому Люсьен и боялся, что их могли оставить на произвол судьбы. Что же с ними стало?

– На поле, где вы меня нашли, было много убитых? – спросил он у Александры.

– Да, немало – и французов, и англичан. Но, не войди в гавань корабли, французы могли перебить еще больше ваших солдат. Обитатели Ла-Коруньи обеспечили британским войскам надежное прикрытие, пока те в беспорядке бежали к морю.

Если все действительно происходило так, как описывала Александра, значит, каждый был сам за себя. Увы, не будь Люсьен ранен, вряд ли он смог бы что-то сделать для своей команды. Даже сейчас его положение оставалось весьма сомнительным, а будущее было под большим вопросом.

Люсьен прислушался к своим ощущениям, пытаясь оценить, насколько серьезно пострадал. Без сомнения, у него был жар, и даже самые простые движения давались с трудом. Люсьен не чувствовал плеч и верхней части спины. Левую руку будто покалывало мелкими иголочками, да и живот подвело, но отнюдь не от голода. Наоборот, при любой мысли о еде его начинало тошнить. Впрочем, есть Люсьену, похоже, было нельзя – ему давали только воду, которую он пил мелкими глотками.

Люсьен взглянул на Александру и улыбнулся, однако та нахмурилась – похоже, раскусила его притворство.

– У вас есть родные? Мать? – между тем спросила Александра. Типичный женский вопрос.

– Да. Нас в семье четверо детей. Раньше нас было больше, но потом отец и младший брат погибли.

– И все же семейство у вас немаленькое. Иногда жалею, что...

Александра осеклась, не договорив. Люсьен обратил внимание, как напряженно дернулась жилка на ее шее. Александра старалась не слишком откровенничать – военное время сделало людей осторожными и скрытными, – никогда не знаешь, с кем имеешь дело. Но Люсьену

откровенность и упоминания о семье могли помочь и спасти его. Если расположишь к себе врага, возможно, у него не поднимется рука тебя прикончить.

В этом регионе Испании все привыкли к нестабильности и тому, что положение дел может перемениться в одночасье. Битвы то выигрывали, то проигрывали, то снова выигрывали. Но когда у границ твоей страны стоит армия из трехсот тысяч французов, главнокомандующий которой – сам Наполеон, шансов на победу мало. Если английские войска не вернуться в самое ближайшее время, Испанию постигнет та же судьба, что и все другие, прежде свободные государства Европы. При этой мысли у Люсьена нестерпимо разболелась голова.

* * *

На следующий день девушка вернулась, чтобы почитать ему. То же самое повторилось и в следующие два дня. Мелодичным голосом читала она первую часть романа Сервантеса «Дон Кихот». Люсьен перечитывал это произведение несколько раз, да и девушке оно тоже, видимо, было хорошо знакомо, потому что иногда она поднимала глаза от книги и произносила целые отрывки по памяти. Ему нравилось слушать голос Алехандры и наблюдать за ней. Когда Алехандра улыбалась, на ее щеках появлялись глубокие ямочки, а иногда она жестикулировала, подчеркивая ту или иную авторскую мысль. Когда же рукав алого мундира сполз, Люсьен обратил внимание на белые шрамы на ее тонком запястье.

Закончив читать, Алехандра захлопнула книгу, откинулась на спинку широкого кожаного кресла и внимательно посмотрела на Люсьена.

– Художественное слово есть язык души, не правда ли, капитан?

Люсьен кивнул – он не мог не согласиться со столь точным замечанием.

– Когда Сервантес был солдатом, он пять лет провел во вражеском плену. Полагаю, пережитое послужило хорошим материалом для его книги.

– Я не знала.

– Возможно, именно так зародилась идея романа. Положение пленника всегда ненадежно, поэтому он над многим задумывается и задается бесчисленными вопросами.

– Вы сейчас говорите о Сервантесе или о себе?

– Вы весьма проницательны. Военнопленный каждый день гадает: вдруг враги решили, что живым он не принесет им никакой пользы?

– Вы не военнопленный и не узник, а в этой комнате остаетесь только потому, что ранены и слишком слабы, чтобы подняться с постели.

– Алехандра, мне прекрасно известно, что дверь этой комнаты каждый раз запирают снаружи.

Нахмурившись, девушка отвернулась.

– Не судите по первому впечатлению, – сказала Алехандра и встала. – Несмотря на всю внешнюю суровость, мой отец – вовсе не тот человек, который может убить беззащитного раненого без всякой причины.

– Кто же знает, какую причину он может счесть достаточно весомой для расправы со мной? Соображения целесообразности? Или ему просто будет достаточно выйти из себя? Мое присутствие в этом доме не по душе Эль Венгадору.

Люсьен поднял руку и отметил, как сильно она дрожит даже от такого незначительного напряжения.

– Ну, так поправляйтесь скорее, – посоветовала Алехандра, не скрывая раздражения. – Если сможете дойти до двери, будете дышать свежим воздухом на террасе, потом совершать все более длительные прогулки. И наконец, нас покинете.

Вместо ответа, Люсьен взял лежавшую возле кровати Библию и протянул ее Алехандре.

– Как этот несчастный?

Озадаченная девушка открыла Священное Писание на странице, отмеченной закладкой в виде плетеного золотого шнура. «Помоги. Я все прощаю», – было выведено углем на полях дрожащей рукой.

Взгляд Алехандры невольно обратился к ряду зарубок на известке под окном, и Люсьен окончательно убедился, что его догадка об их происхождении верна.

– Этот человек тоже был пленником в вашем доме и его держали в той же комнате, что и меня?

При этих словах девушка побледнела как полотно, лицо ее исказила гримаса боли, она торопливо перекрестилась.

– Вы ничего не понимаете, капитан. Поверьте, вы даже не представляете, кто он такой и как сложились обстоятельства. Не вздумайте упомянуть об этом человеке при отце, он убьет вас, и я не смогу защитить.

– Но все же попытаетесь?

В комнате стало тихо. В этот момент Люсьен осознал, что его влечет к этой женщине. Таких красавиц ему еще встречать не доводилось, но дело было не только во внешней привлекательности. Люсьена покорило то, как сильно и глубоко эта темпераментная испанка умела чувствовать. А еще в ее сердце жил такой же гнев, какой испытывал он сам. Алехандра с одинаковой уверенностью брала в руки клинок и книгу, в глазах ее читались мудрость и грусть.

Алехандра лично знала человека, оставившего надпись на странице Библии, и напоминание о нем неприятно на нее подействовало. Девушка несколько раз нервно облизнула пересохшие губы, затем бесцеремонно вырвала страницу с посланием, прежде чем вернуть книгу Люсьену. Потом разорвала истончившийся от времени лист в мелкие клочья и сунула их в карман. Развернувшись, Алехандра решительно направилась к выходу. А Люсьен раскрыл тяжелый том, полистал и снова отыскал в Ветхом Завете отрывок, отмеченный тем же углем. Матфей, 6: 14: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный».

Но Алехандра, дочь Эль Венгадора, явно не искала ни прощения, ни искупления. «Любопытно, почему?» – подумал Люсьен.

Люсьен проснулся позже обычного, разбуженный сильной болью. Алехандра снова была в комнате. Она сидела на стуле возле кровати и внимательно смотрела на него. Искоса взглянув на столик, Люсьен отметил, что, пока он спал, Библию из комнаты унесли.

– Доктор сказал, вы должны выпить это.

Люсьен попытался улыбнуться:

– Что это? Бренди?

Алехандра поджала губы.

– Нет, сироп из апельсина и мяты. Для сладости я добавила меда. К тому же для вас он очень полезен.

– Благодарю.

Сделав глоток прохладного напитка, Люсьен даже вздохнул от удовольствия. Но у него закружилась голова, и он снова откинулся на подушки. Помолчав немного, Алехандра вдруг спросила:

– Скажите, вы религиозный человек, капитан Говард?

Вопрос оказался для Люсьена неожиданным.

– Воспитали меня в англиканской вере, но, признаюсь, давненько не ходил в церковь.

– Когда человек не заботится о душе, страдает тело.

Эти слова Алехандры произнесла так, будто где-то их вычитала, и этот мудрый совет по какой-то причине запал ей в душу.

– Осмелюсь заметить, сеньора, в нынешних страданиях моего тела виноват не я сам, а французы.

– И все же я бы на вашем месте не отказывалась от помощи и поддержки, которую может предложить вера. Если пожелаете, могу привести священника, и он отпустит вам грехи, – почти сердито произнесла она.

– Нет, – сорвалось с уст Люсьена, и он тут же пожалел о своей резкости. – Мой взгляд на ситуацию прост: будь что будет.

– Вы что же – фаталист? Верите в судьбу?

– Если не ошибаюсь, Будда в свое время сказал: «Я не верю в судьбу, которая сваливается на людей, когда они действуют, но я верю в судьбу, которая сваливается на них, если они бездействуют».

Александра улыбнулась:

– Вижу, ваши религиозные воззрения отличаются хаотичностью. Берете по чуть-чуть ото всюду? Действуете по обстоятельствам?

Люсьен отвел взгляд, у него просто не было сил объяснять, что он и сам не знает, во что верить, а во что нет.

По его просьбе вечером Александра оставила ставни открытыми, и на горизонте уже виднелось сияние восходящего солнца. При виде этой зари нового дня сердце Люсьена наполнилось радостью.

– Не ожидал увидеть вас здесь в такой час. Вам что же, не спится?

– Раньше меня было не разбудить пушками, но теперь... – Александра поспешно добавила: – Скажу так – здесь лучше спать чутко.

– Может быть, у вас есть родные в других, более спокойных частях страны?

– Намеряете, что отец должен был отослать меня к ним?

Александра встала и, задув свечу возле его кровати, произнесла:

– Няньки мне не требуются, сеньор. Я в состоянии сама о себе позаботиться.

А Люсьен смотрел на нее и думал: вопреки решительным словам она казалась маленькой и хрупкой, как будто обнаруженное на страницах Библии послание заставило ее почувствовать себя слабой и незащищенной.

– Мы с вами говорили о судьбе, сеньор. Что ж, в некоторых ситуациях утешительно бывает сознавать, что, как бы ты ни поступил, от судьбы не уйдешь.

– Подобным образом часто рассуждают люди, желающие уклониться от ответственности за свои поступки, не находите?

– Зря вы отмахиваетесь от моих слов, капитан. Чувство вины способно незаметно, исподволь высосать из души все соки.

– Вы сейчас о том послании, страницу с которым вырвали из Библии? О словах, начертанных углем?

– Не только, но и о нем тоже, – ответила Александра. Голос ее дрожал от едва сдерживаемых чувств. – Он знал, что я обнаружу эти строки.

С этими словами Александра вышла на веранду, на холодный утренний воздух, плотнее запахнув шаль на плечах.

Глава 2

Александра наблюдала за капитаном Люсьеном Говардом, пытавшимся пройти по дорожке между деревьями в саду гасиенды. Немного окрепнув, Люсьен настоял, чтобы его каждый день выносили сюда. Один из слуг доставлял его на руках в эту рощицу, и Люсьен учился ходить заново.

Даже издалека Александра видела, сколько бессильной досады и боли в каждом его движении. Люсьен падал, чтобы встать – опирался руками о ствол оливы. После долгой болезни англичанин очень ослаб и исхудал. Казалось, раненый, которого она обнаружила на поле боя возле Ла-Коруньи, был в два раза крупнее человека, которого Александра видела сейчас.

Еще один англичанин, проливший кровь на этой многострадальной земле, опустошенной войной, ненавистью и алчностью. Александра сжала в руках четки и принялась перебирать бусины, мысленно повторяя имена тех, кто пал жертвой в этой борьбе. Розалия, Педро, даже Хуан, вымаливавший прощение в Библии, которое, как он знал, Александра непременно увидит.

Бусины под пальцами были безупречно гладкими, блестящий гагат помнил сотню лет молитв, обращенных к небесам. Осенив себя крестным знаменем, Александра стала тихо произносить:

– Я верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли...

Затем Александра прочла «Отче наш», потом три раза «Аве Мария», «Слава Богу за все» и Фатимскую молитву.

Помолившись, Александра убрала четки в карман. Затем достала нож из кожаного чехла на лодыжке, подняла ветку алоэ и принялась рассеянно обтачивать ее ножом.

Повернув ветку, Александра разрубила ее пополам и коснулась своего предплечья, поранив кожу. Она не стала противиться боли. Ни единый мускул не дрогнул на ее лице. «Помоги. Я все прощаю». Послание, написанное углем... Кровь потекла из ранки, ручейком медленно устремилась вниз по руке и закапала на землю. Александра радовалась боли, значит, она еще способна чувствовать.

Между тем Люсьен Говард снова едва не упал. Александра убрала нож и зажала ранку пальцами. Все-таки этот английский капитан похож на нее. Он не сдастся. Выпрямившись, Александра прислонилась к стене и закрыла глаза. Она чувствовала свет утреннего солнца, холодный атлантический ветер играл волосами. Это ее земля. Александра ни за что ее не покинет. Она и Испания – единое целое, одна кровь и плоть. Здесь обитают духи тех, кто давно ушел в иной мир. Александре нравилось думать, что сейчас, здесь, в дуновении ветра, ее ласкает мать, Розалия. Она любит ее и понимает все ее мысли и чувства, всю ее затаенную боль.

Александра открыла глаза. Англичанин сделал несколько шагов, покачнулся и тяжело рухнул на землю. На этот раз он не встал. Затаив дыхание, Александра стала считать секунды. Одна, вторая, третья, четвертая... И тут Люсьен поднялся и опять оперся рукой о ствол дерева. Напряжение мышц, рывок... Пальцы Александры сами собой потянулись к четкам, но в последний момент она удержалась. Нет, она не станет ему помогать. На войне каждый сам за себя. Из ран на его спине иногда сочилась сукровица, да и рана на шее немного воспалилась. Александра позовет Констанцу, чтобы та снова его осмотрела и обработала раны целебной мазью. Когда этот человек поправится, он уедет. Вот и все, чем Александра может ему помочь.

Дочь Эль Венгадора сидела, прислонившись к теплой золотисто-желтой стене, и наблюдала за Люсьеном издалека. Молчаливо и бесстрастно. Люсьен почти ненавидел эту девицу за ее дерзкий язык и непонятные ему вспышки гнева. Он понимал – эта особа не придет ему на помощь, будет наблюдать, как он падает и снова встает, пока окончательно не выбьется из сил.

А потом она исчезнет. Кто-то отнесет его в постель, и он будет лежать в полутемной комнате, глядя на колышущиеся занавески.

Со дня битвы при Ла-Корунье прошло почти полтора месяца. Сорок два дня миновало с тех пор, как Люсьен в последний раз нормально питался. Несколько дней назад слуга подвел Люсьена к зеркалу, и он увидел в нем совершенного доходягу.

Александра уже три недели не заглядывала в его комнату – с тех пор, как Люсьену стало совсем плохо и вызвали священника, совершить последний обряд. Люсьен смутно помнил, что святая вода подействовала на него успокаивающе.

Тихая молитва, прохладная вода. Что ж, военная служба всегда связана со многими опасностями. Но Люсьен выжил. Жар достиг своего пика и отступил. Окрепнув, Люсьен попросил, чтобы его выносили в сад. Александра каждый раз выходила посмотреть на его попытки снова встать на ноги. Вскоре она исчезла. Должно быть, наскучивало смотреть, как он падает.

Люсьен отчаянно надеялся, что Дэниел Уайлд благополучно добрался до дому. Только бы штормы, о которых здесь говорили, не потопили корабль, на котором плыл его друг, и не отправили его на дно Бискайского залива.

– Помоги ему, Господи, – прошептал Люсьен. – И если я умру на чужбине, пусть меня не забывают.

Он знал, что родные будут его помнить, особенно мать. Но жизнь будет продолжаться, у его братьев появятся дети, и произойдет много других событий, Люсьен же останется всего лишь воспоминанием, как его отец и младший брат. Неожиданно эта мысль вызвала в нем злость и желание бороться. Он поднял руку, подтянулся, оттолкнулся от земли и встал во весь рост. На этот раз он не зашатается, не упадет, не позволит слабости себя побороть.

И тут к нему приблизилась она. О, эти зеленые глаза, внимательные и пронизательные, эти пышные волосы, безжалостно убранные под шляпу!

– Так и знала, что у вас получится.

Не удержавшись, Люсьен расплылся в улыбке.

– Что ж, завтра вы уже сделаете первые шаги, потом пройдете половину дорожки, затем преодолете ее всю и перейдете на другую. А вскоре после этого вас можно будет отправить домой.

Выражение лица ее при этом было суровым и строгим. На рукаве и на пальцах девушки Люсьен заметил кровь. Свежую кровь. Увидев, куда он смотрит, Александра с вызовом вскинула подбородок.

– Французы захватили Ла-Корунью и Ферроль. Увы, поражение сокрушительное. Теперь Сульт может расхаживать по улицам этих городов, как у себя дома. Если так и дальше пойдет, французы захватят весь север.

– На войне случаются поражения.

– И причина многих из них – трусость, – резко парировала Александра. – Лучше вовсе не ввязываться в бой, чем, проделав долгий путь, добраться до Испании и после первого же поражения сбежать.

При этих словах Люсьена охватил гнев, однако он сдержался. К тому же спина болела и перед глазами все плыло.

И все же слово «трусость» глубоко задело Люсьена. Сколько солдат погибло во время отступления! Сколько отваги и доблести они проявили, прорываясь к морю и отбиваясь от всей мощи французской армии! Вот что запомнилось Люсьену об этой битве – смерть, кровь и героизм.

– Присядьте, – произнесла Александра, на этот раз ласково. А потом одной рукой Александра взяла Люсьена под локоть, другой обхватила за талию.

Тут он заметил у нее на шее цепочку, но подвеска, увы, скрывалась за расстегнутым воротом мужской рубашки. Любопытно, что там у нее? Тем временем Александра подвела его

к садовому стулу и осторожно усадила. Дыхание Люсьена было прерывистым, руки тряслись от слабости.

– Спасибо, – сказал он.

Если бы Алехандра вовремя его не поддержала, Люсьен непременно упал бы. Он внимательно прислушался к своим ощущениям и постарался принять всю боль, которая терзала его тело, не сопротивляясь ей. Этому приему Люсьена научили шаманы на Ямайке, когда ему случилось заболеть. С тех пор он неизменно пользовался им при каждом недомогании.

Казалось, англичанин задремал – во всяком случае, на стуле сидел неподвижно и пульс его замедлился. Даже кожа стала более прохладной на ощупь.

Этот человек вызывал у Алехандры смутные подозрения. Она не могла разгадать, кто он и что собой представляет. Солдат, боец, шпион? Капитан владел и аристократическими, и простонародными испанскими диалектами в совершенстве и при желании мог бы легко выдать себя за местного жителя. Вдобавок Люсьен был в курсе всех дел и знал, что происходит вокруг. Сразу было видно – этот человек всегда начеку. А когда Люсьен открыл глаза, это впечатление только усилилось. От такого внимательного и пронизательного взгляда не ускользнет ни одна мелочь.

Даже усталый и измученный после утренних упражнений, он сразу заметил людей, возвращавшихся по южной дороге. Должно быть, гадают, куда и зачем они ездили и что это может значить для него.

– Откуда меня отошлют в Англию? – спросил Люсьен.

– Только не отсюда, – ответила Алехандра. – Из Ла-Коруньи сейчас отплывать слишком опасно. Вас сопроводят на запад.

– Я полагаю, в один из небольших портов на Риас-Альтас?

Значит, географию региона Люсьен Говард изучил хорошо, но в местных политических хитросплетениях разбирается, увы, слабо.

– Нет, и речи быть не может. В тех местах у моего отца слишком много врагов. – Алехандра повернулась к морю, посмотрела на небо и нахмурилась. – Ветер дует с океана. Скоро начнется шторм.

Действительно, весь горизонт заволокли темные, свинцово-серые тучи, тяжело нависшие над водой. Мысленно Алехандра прибавила: «Прежде чем отпустить тебя, отец сначала должен разобраться, кто ты такой. Должен узнать как можно больше о твоём народе и твоём характере, чтобы понять, можно ли тебе доверять. Насколько велика опасность, которую ты для нас будешь представлять, если окажешься не тем, за кого себя выдаешь? И если мы узнаем, что ты действительно обманщик...»

Обо всем этом не следовало говорить вслух.

– Алехандра, я вам не враг.

Люсьен редко обращался к ней просто по имени, но Алехандре нравилось, когда он называл ее так. У Люсьена это получалось как-то по-особенному нежно. Каждый раз ее сердце начинало биться немного быстрее, заставляя ее врасплох и вынуждая досадовать на собственную слабость. Алехандра поспешно отвела взгляд и сделала вид, будто внимательно наблюдает за теми, что возвращались из Бетансоса. Среди них был Томеу. Выставив ладонь козырьком, он повернулся в сторону Алехандры и Люсьена. Она сразу заметила белый бинт на его запястье.

– Но и другом вас называть рано, англичанин, несмотря на все ваши жертвы и преданность Испании.

Люсьен рассмеялся, отчего в уголках глаз у него проступили тонкие морщинки. Алехандра вздохнула. Что в этом мужчине такого особенного? Отчего в его присутствии ей трудно сохранять хладнокровие?

– Я здесь по ошибке, сеньора.

– По ошибке?

– Слишком надолго задержался на Башне Геркулеса, все высматривал, не покажутся ли английские корабли. Однако их было не видно, зато французы подбирались все ближе и ближе.

– Значит, они вас обнаружили?

– Едва ли, – возразил Люсьен. – Французы схватили одного из моих людей, и я хотел спасти его.

– И что же – спасли?

– Нет.

Повисло молчание. Стал слышен шум усиливающегося ветра. Солнце вот-вот скроется за тучами, и польет дождь.

– Вы говорите – ваш человек? Значит, он был разведчиком, как вы?

Люсьен кивнул.

– Многие недостатки особенно ясно проявляются на поле боя: зависть, жадность, трусость, увь, Гай страдал последним. Он бросился наутек, но побежал не в ту сторону.

– И вы решили его не спасать? В наказание за трусость?

– Нет, я пытался его выручить, но потерпел неудачу.

Да, на войне сразу видно, трус мужчина или храбрец, подумалось Александре. Должно быть, тяжело пришлось капитану Люсьену Говарду, но он честно пытался защитить боевого товарища. Обычно военные ведут себя более расчетливо и понимают, ради каких целей стоит рисковать и подвергать себя опасности, а когда лучше отойти в сторону. Отец Александры был мастером в подобных делах.

Глядя на изможденного, израненного англичанина, Александра тем не менее видела, какая сила и мощь таятся в нем. Этот человек тверд, несокрушим и обладает железной волей.

Англичанин был удивительно красив – эти светлые глаза, золотистые волосы... Александре захотелось провести по ним рукой – просто чтобы посмотреть, как они будут выглядеть на фоне ее смуглой кожи.

Люсьен. Это мелодичное имя безупречно ему подходило. Правда, смущало то, что оно немного напоминало по звучанию имя одного из трех архангелов в Библии, а именно падшего ангела. Александра помотала головой, отгоняя непрошенные мысли.

– Сегодня вечером снова пришло к вам Констанцу, пусть полечит вас своими снадобьями. Эта женщина – талантливая целительница.

Люсьен убрал волосы с лица, и они сверкнули в лучах солнца.

– Пусть принесет мазь и оставит в комнате, нанести я смогу и сам.

– Как пожелаете.

С этими словами Александра развернулась и решительно пошла прочь. Но, дойдя до конюшни гасиенды, она невольно обернулась – англичанин пристально смотрел ей вслед.

Глава 3

Люсьен проснулся посреди ночи от какого-то тихого, едва различимого звука. Он прошел достаточную подготовку, чтобы отличить безобидные шумы от тех, которые могут представлять угрозу. Все тело Люсьена напряглось, будто натянутая струна. Он замер в ожидании. Дверь приоткрылась, и в проеме показался огонек свечи. Затем в комнату вошел отец Александры, опустился на низкий табурет возле кровати, вытянул перед собой длинные ноги и поморщился, будто от боли.

– Вижу, у вас чуткий сон, капитан.

– Долгие годы службы не прошли даром, сеньор, – ответил Люсьен.

– Уберите нож. Я пришел поговорить.

Люсьен сунул оружие под подушку, но при этом повернул рукоять под таким углом, чтобы в случае необходимости ее можно было быстро схватить. Эль Венгадор, похоже, заметил эту предосторожность.

Нож принесла Люсьену Александра на второй день его пребывания в этом доме. Тогда он лежал в лихорадке, и она просто вложила оружие в его руку.

– Это для защиты – чтобы вы чувствовали себя спокойнее, – пояснила она и предостерегающе добавила: – Только для защиты и ни для чего другого. Полагаю, ножом вы владеете. А если нет, оно и к лучшему...

– Мне стало известно, что вы принадлежите к английской аристократии, капитан Говард.

Эль Венгадор разжал кулак, и у него на ладони Люсьен увидел свое кольцо с семейным гербом Россов. А Люсьен думал, что потерял его.

– Лорд Люсьен Говард, шестой граф Росс, – продолжил Эль Венгадор. – Весьма громкий титул. Выходит, вы не только глава своего семейства, но и занимаете достаточно высокое положение в английском обществе.

Люсьен промолчал – он догадывался, что командир партизан еще не закончил.

– Однако, по моим сведениям, ваше родовое гнездо пребывает в состоянии полного разорения. Вы банкрот. Неудачные денежные вложения, сделанные вашим отцом, а до него – дедом, привели к тому, что в карманах у Говардов мало что осталось. А скоро ваш род совсем обнищает.

Увы, это не секрет, с горечью подумал Люсьен. Тут Эль Венгадор показал ему газету «Таймс», на первой полосе которой красовалась черно-белая копия его портрета, который когда-то заказала матушка.

– У вас много братьев и сестер и мать, которая сейчас оплакивает вашу гибель.

Люсьен знал, что графиня не отличается крепким здоровьем и силой духа. Горе может убить ее прежде, чем сын успеет добраться до Англии.

– Вот что, милорд, – последнее слово Эль Венгадор выговорил с глубоким презрением, – я могу перерезать вам горло прямо здесь и сейчас, и никто никогда не узнает, что с вами стало. Либо...

Командир партизан выдержал эффектную паузу. Эль Венгадор явно был любителем драматических эффектов. Люсьен решил ему подыграть.

– Либо...

– Как граф вы для нас полезнее, чем простой армейский капитан.

Люсьен внимательно посмотрел командиру партизан в глаза.

– Почему вам понадобился я? Разве не можете обратиться за помощью к кому-нибудь из соотечественников, кто вращается в английском обществе? У вас же везде агенты. Вот и воспользуйтесь их услугами.

– Однако вы, милорд, можете легко проникнуть туда, куда моим людям хода нет. Как бы мы ни старались, к королю нам не подобраться, вам же это под силу.

– В нашей стране законы создает не монарх и не высшее общество. В Англии демократия, и все важные решения принимает парламент.

– И одной из палат вашего парламента является палата лордов. Насколько я знаю, именно в ее состав вы и входите, лорд Росс.

Люсьен знал, что партизанское движение вселяет страх в сердца французов, но многих испанцев так же пугают методы партизан – принудительная вербовка, разбой, грабежи, жестокие убийства.

Люсьен решил, что об этом лучше промолчать.

– Почему вы решили, что я захочу вам помогать? – вместо этого спросил он. – Я не желаю стать причиной гибели своих соотечественников. Вдруг они снова проиграют битву, а вам, благодаря моим усилиям, будет известна полная информация обо всех командирах? Вы ведь наверняка захотите отомстить.

Тут дверь приоткрылась, и оба собеседника обернулись. В комнату вошла Алехандра. Глядя на нее, Люсьен сразу понял – она только что с постели. Вид сонный, волосы спутаны. О боже... Похоже, эта девушка, как и он, спит полностью одетая и с ножом под подушкой. Люсьен был удивлен тем, что при виде отца Алехандра не спрятала нож обратно в ножны.

– Я не собираюсь его убивать, дочь.

Так вот что привело ее сюда. Люсьен озадаченно нахмурился. Если она услышала, как Эль Венгадор пришел к нему, значит, ночует в соседней комнате. Неужели для того, чтобы его охранять? В глаза Люсьену Алехандра не смотрела, но бросила взгляд на газету и кольцо, лежавшие на столике возле кровати. Должно быть, Алехандре было известно о проведенном отцом расследовании и о том, что он будет угрожать Люсьену, чтобы добиться его согласия помогать партизанам.

– Алехандра, ты должна сопроводить этого человека на корабль в течение ближайшей недели, не позже.

– Хорошо.

– Найди кого-нибудь, кто будет тебя сопровождать. Может быть, Томеу?

Алехандра покачала головой:

– Нет, пойду с Аданом. На западе у него родные и много знакомых.

– Значит, решено. – Эль Венгадор в задумчивости побарабанил пальцами по колену, затем встал. – Не думайте, будто вам придется трудиться на благо Испании даром, без награды, лорд Росс. На банковский счет, который вы назовете, будет зачислена сумма, которая наверняка вас удовлетворит. Но, разумеется, только после того, как дело будет сделано и я останусь доволен результатом.

Стало быть, вопрос и впрямь уже решен. Наверное, Эль Венгадор не привык к тому, что кто-то отказывается от его «предложений о сотрудничестве». И Люсьену тоже следовало прикусить язык. Когда находишься в логове тигра, неразумно дразнить хищника. И все же Люсьен не удержался.

– Хорошо, я подумаю над тем, что вы сказали. И тут Эль Венгадор крепко сжал его руку в своей и произнес:

– Во имя свободы и победы!

С этими словами он повернулся и вышел из комнаты. Алехандра же продолжала стоять возле стены слева от окна.

– Вы об этом знали? – спросил Люсьен, указывая на газету и кольцо. – Знали, о чем будет говорить со мной ваш отец?

– И об этом, и даже о том, о чем он умолчал, – довольно-таки дерзко ответила Алехандра. Она пересекла комнату и взяла с тумбочки номер «Таймс».

– Когда вы улыбаетесь, выглядите моложе, – заметила она, разглядывая его портрет.

– Я здесь действительно моложе. Это старый портрет.

Александра рассмеялась. Смех у нее был низкий и приятный – добродушный, теплый.

– Подозреваю, что вас, лорд Люсьен Говард, шестой граф Росс, не так-то просто убить – даже моему отцу.

– Надеюсь, что вы правы, Александра, единственная дочь Эль Венгадора.

Она положила газету на тумбочку. Спеша в его комнату, Александра не знала, чем закончится дело, и пришла с кинжалом, который теперь спрятала в мягкий кожаный чехол на левой лодыжке. Неужели, чтобы защитить Люсьена, она стала бы драться с родным отцом? При этой мысли у Люсьена даже дыхание перехватило.

– Спасибо, – искренне произнес он.

Судя по выражению лица Александры, она поняла, за что он ее благодарит. Ушла девушка так же быстро и неожиданно, как ее отец, – только что была здесь – и вот ее уже нет. Только скрипнули петли, и дверь закрылась.

Люсьену приснился Линден-парк, резиденция Говардов в Танбридж-Уэллс. Солнечный свет отражался от окон, а вдоль берегов реки Тейз над водой склонились плакучие ивы. Мост еще не обрушился, и Люсьену не пришлось бросаться в воду в попытке спасти отца и брата. Но обоих стремительно уносило бурным холодным течением. Утопающих тянули ко дну тяжелая одежда и страх.

Потом возникли счастливые картины – вот они с сестрой Кристин катаются верхом по долинам вокруг поместья и несутся быстро, как ветер. Затем он увидел Дэниела Уайлда и Фрэнсис Сент-Картмейл. А вот и он сам, его братья, еще совсем мальчишки, строят домики в лесу и охотятся на кроликов с отцовскими ружьями. Верхом на лошади подъехал Гэбриел Хьюз. Он был не таким разговорчивым, как остальные, но с ним всегда было интересно. Именно Гейб научил Люсьена двум вещам, которые оченьгодились ему в жизни, – думать своим умом и читать между строк, улавливая не только сказанное, но и то, о чем умолчали.

А затем перед ним явилась Александра. Длинные волосы водопадом спадают по спине, смуглая кожа сияет в пламени свечи, пухлые губы соблазнительно алеют, темные глаза сверкают. В его сне она была одета в тонкую, свободную ночную сорочку, через ткань которой легко можно было разглядеть стройную, гибкую фигуру. У Люсьена перехватило дыхание. Он почувствовал, что начинает возбуждаться. Александра прильнула к нему, и его будто обожгло. В сновидении она была одновременно и покорной, и властной. Ее губы страстно целовали его, он отвечал на поцелуй. Ах, этот сладостный жар, эта необузданная страсть! И тут Александра выхватила кинжал и вонзила прямо в его обнаженную грудь. Лезвие вошло между ребер, и через секунду...

– Вот черт! – пробормотал Люсьен, проснувшись. Он тяжело дышал, будто после быстрого бега. Сердце учащенно билось, а его мужское естество находилось в состоянии полной боевой готовности. Ничего не поделаешь, Александра – дочь своего отца. Достаточно было посмотреть, как эта девушка с ним общалась – холодно, отчужденно, презрительно.

И все же из головы не шел приснившийся поцелуй. Люсьену стало так жарко, что он даже откинул одеяло, несмотря на холодную зимнюю ночь.

Что же будет, когда они вместе поедут на запад? – подумал он. При одной мысли о долгих темных ночах, проведенных в ее обществе, под луной, он снова ощутил, как разгорается желание. Сколько дней займет это путешествие? Сколько миль им предстоит преодолеть бок о бок? Если путь их лежит не в Риас-Альтас, куда же тогда? Возможно, на юг в порт Риас-Бахас? Или в многолюдный, загруженный порт Виго?

Сон повлиял на него удивительным образом. Люсьен сразу утратил прежнюю уверенность в себе. Скорее всего, потому, что понимал – тому, что явилось в сновидении, никогда не бывать, и все же в глубине души ему очень хотелось бы, чтобы сон оказался вещим.

Тут Люсьен пожалел, что на столике у кровати нет бренди, там стоял только приготовленный Алехандрой напиток – вода с апельсиновым соком, медом и мятой. Он взял графин и отпил большой глоток. Постепенно страстный жар спал. Люсьен снова потянулся к столику и надел на палец перстень с гербом, который носил всю взрослую жизнь. Он был рад, что кольцо к нему вернулось. Потом взял газету и посмотрел на дату.

Первое февраля. День рождения его матери. Впрочем, семья считает Люсьена погибшим и вряд ли в их доме в этом году царит праздничное настроение. Люсьен достал из-под подушки нож и положил его на столешницу. Стрелки настенных часов показывали почти четыре. В доме стояла тишина. Люсьен понимал, что больше не заснет.

Он постарался как можно точнее воссоздать в памяти карты Испании, лежавшие в его седельной сумке во время долгой дороги на север, к морю. Он и его люди сделали много зарисовок, измеряли расстояния, исследовали топографию местности, отмечали ущелья и тропы, по которым можно было пройти, реки, мосты и уровень воды. Многие из этого Люсьен устанавливал лично, когда они переходили горы. На полях он записывал пояснения и личные наблюдения.

Но, увы – после встречи с французскими солдатами драгоценная папка была утеряна. Во всяком случае, Люсьен не видел ее с того дня, когда лежал раненый на поле боя над городом Ла-Корунья. Пожалуй, многое он мог бы восстановить по памяти, и все же утрата таких ценных сведений была весьма ощутима. Без знания местности британской армии придется руководствоваться неточными и устаревшими сведениями, а значит, рисковать во время каждого перехода и преодолевать трудности, которых можно было избежать.

И тут Люсьен услышал, как открывается дверь. На этот раз на пороге стоял парень по имени Томеу и внимательно глядел на него.

– Надо поговорить, англичанин.

Вблизи Томеу выглядел еще моложе, чем поначалу показалось Люсьену. Осторожно закрыв за собой дверь, Томеу на некоторое время замер на месте, будто прислушиваясь.

– Прошу прощения за то, что пришел посреди ночи, капитан, но через час я уезжаю на юг, а до этого хотел бы кое-что вам сказать. Шел мимо вашей комнаты, поглядел на щель под дверью и увидел, что у вас все еще горит свеча. Вот и решил проверить на всякий случай – вдруг не спите?

Люсьен кивнул. Уголки рта Томеу чуть-чуть приподнялись, и эта едва заметная улыбка преобразила обычно угрюмое лицо.

– Сеньор, мое имя Бартоломеу Диего де Бетанкур, и я друг Алехандры.

Произнеся эту фразу, Томеу замолчал, выжидательно глядя на Люсьена.

– Да, я вас узнал. Это вы уложили меня, раненного, на холщовые носилки.

– Откровенно говоря, я это сделал не по своей воле. Считал, что лучше вам умереть. Но Алехандра настояла, чтобы мы подобрали вас и принесли сюда. Будь моя воля, там же на месте вонзил бы вам нож прямо в сердце и покончил с этим делом.

– Понимаю.

– Сомневаюсь, сеньор. Вряд ли вы отдадите себе отчет, какая опасность грозит Алехандре с тех пор, как на гасиенде появились вы. Откуда вам знать, как дорого ей может стоить ваше спасение? Эль Венгадора обуревают свои внутренние демоны, и он может быть беспощаден, если кто-то встанет на его пути.

– Даже родная дочь?

Этот вопрос спровоцировал поток изощренных испанских ругательств.

– Энрике Фернандес будет сидеть на этой гасиенде до конца дней, варясь в собственном соку и упиваясь горечью и ненавистью. И если Алехандра останется с отцом, ее постигнет та же судьба. Увы, упрямством она не уступает ему. К тому же у Фернандеса есть враги, готовые нанести удар, когда он меньше всего этого ожидает, да и завистников у такого влиятельного человека тоже хватает.

– Мне показалось или вы сами были бы не прочь оказаться на его месте?

Молодой человек отвернулся.

– Алехандра говорила, что вы на удивление проницательны и умеете читать мысли, которые собеседник хотел бы скрыть от всех. Предупреждала, что вы даже опаснее, чем ее отец, и, если задержитесь здесь еще на некоторое время, он быстро поймет это и прикажет вас убить.

– Алехандра так сказала?

– Именно. Хочет, чтобы вы уплыли как можно скорее.

– Знаю.

– Она желает вам добра.

Люсьен промолчал, и Томеу продолжил:

– Для меня эта женщина как сестра. Если причините ей вред...

– И в мыслях не было.

– Я вам доверяю, капитан, и только по этой причине я здесь. Вы ведь тоже по-своему влиятельны и сильны, верно? Достаточно сильны, чтобы защитить Алехандру?

– Думаете, Алехандра примет мое покровительство?

От одной мысли Люсьен едва не рассмеялся в голос. Удержало его только то, что партизан был торжественно серьезен, молод и наивен.

– Муж Алехандры был убит. С тех пор прошло меньше года. Они были женаты всего месяц.

– Понимаю. У нее есть где-то другие родственники?

– Да, дядя где-то на юге, но, насколько могу судить, они не слишком близки и почти не общаются.

– А друзья? Кроме вас, разумеется.

– У нас боевой отряд. Наша задача – охранять и защищать от врага север Испании, сея хаос и вселяя в сердца французов страх. Большинство женщин давно покинули эти места – кто-то отправился туда, где спокойно, кто-то пал жертвами войны. Здесь жить опасно.

– Да, ваша земля фактически стала полем боя.

– Совершенно верно.

– Это Алехандра поранила вам руку своим кинжалом?

– Угадали. Сделал ей предложение, а она отказала.

Люсьен улыбнулся:

– Вижу, она выразилась предельно ясно.

– Ну, а что касается синяка у нее на лице, так это получилось случайно. От боли и неожиданности я потерял равновесие, упал с лестницы и потащил ее за собой. Алехандра заявила, что больше ничьей женой не будет и то, что я посмел об этом заикнуться, для нее оскорбление. Эта упрямецка никого не желает слушать! Никто ей не указ! Каждый день мечтаю, чтобы она подумала и поняла, как опасно в ее положении быть женщиной без мужа.

– Значит, Алехандра любила супруга?

Томеу лишь рассмеялся:

– На этот вопрос ответ может дать только она сама, сеньор.

– Хорошо, тогда у нее и спрошу. Итак, вы опасаетесь, что Эль Венгадор способен причинить дочери вред?

– Намеренно – нет, но, если дело дойдет до того... кто знает? Ваше присутствие в этом доме осложняет жизнь им обоим. Алехандра хочет, чтобы вы достаточно окрепли для путеше-

ствия, Энрике же просто желает, чтобы вы побыстрее убрались отсюда. Конечно, ваш высокий титул несколько изменил его мнение в вашу пользу, но из-за любого пустяка маятник может качнуться в обратную сторону, и тогда всем нам не поздоровится. Впрочем, вас наши дела волновать не должны. Это тот случай, когда я полностью согласен с Эль Венгадором – поскорее бы вас отправили домой, на родину.

Понятно, к чему он клонит. Но, сам того не желая, ночной гость сообщил Люсьену больше, чем собирался. Эль Венгадор осторожен и скрытен. Вряд ли командир партизан делится столь важными подробностями, как тема разговора с Люсьеном, с кем ни попадя. А значит, Томеу занимает в отряде достаточно высокое положение. Люсьен заметил, как парень то и дело поглядывает на кольцо с гербом у него на пальце, и по едва заметному блеску в его глазах догадался, о чем Томеу счел нужным умолчать.

Похоже, в партизанском отряде он занимает позицию, аналогичную позиции подполковника. Все важные решения обсуждаются и принимаются при его непосредственном участии. Этот молодой человек может показаться милым, и все же с парнем следует держать ухо востро. Его ремесло – насилие и интриги.

Возможно, Томеу прислал отец Алехандры, чтобы усыпить бдительность пленника и вызвать его на откровенность. А может, его подговорила Алехандра. Или он явился по собственной инициативе, исходя из каких-то своих соображений?

За свои тридцать два года жизни Люсьен научился ничего не принимать на веру. Благодаря этому полезному навыку ему и удавалось уцелеть.

– А как насчет родственников мужа Алехандры? Разве она не может пока пожить у них?

– Я тоже с ними в родстве, сеньор, и мне отлично известно, что эти люди жаждут крови Фернандесов больше, чем кто-либо другой в Испании. Даже больше, чем французы.

Люсьен подумал о своих близких в Англии и о дальних родственниках. На императоре Наполеоне и французах лежит ответственность за то, что так называемая новая Европа представляет собой руины.

– Очень жаль, что... – начал было он, но замолчал, не договорив фразы. Ему было жаль всех – и испанцев, и англичан, и не только. Но сочувствием делу не поможешь. Казалось, молодой человек его понял – во всяком случае, Томеу развернулся и направился к двери.

– Когда пойдете на запад, не доверяйте первым встречным.

– Не беспокойтесь, не буду.

– И хорошенько приглядывайте за Алехандрой. С этими словами Томеу вышел за дверь.

Глава 4

Томеу уехал, отправившись на юг, где его ждало еще больше опасностей, чем здесь. А англичанин тренировался в ходьбе на излюбленной тропинке между оливами. Дело было нелегким, каждое напряжение мышц давалось ему тяжело, но Люсьен не отступал. Короткими прогулками он не ограничивался. В саду английский капитан провел почти все утро и порядком взмок, несмотря на холодную погоду.

Люсьен определенно шел на поправку. Он уже не хромал и не вздрагивал от боли при движении. Нет, теперь он шагал гордо и прямо, как и подобает настоящему солдату. Отважно преодолевал путь от одного дерева к другому и обратно. После каждого третьего «перехода», обессиленный, плюхался на скамейку, чтобы перевести дух. Что и говорить, упорства ему не занимать. Совсем как самой Алехандре. При этой мысли она улыбнулась, и ее настроение сразу улучшилось. Алехандра знала, что у Люсьена при себе нож, – как только он покинул комнату, сразу отправилась туда и проверила. Ей было стыдно за свое поведение – в чужих вещах роются только воры и соглядатаи. Вот кого из нее сделала война. Мать сурово отчитала бы дочку за подобное нарушение этикета и приличий, но в сложившихся обстоятельствах никого не смущали такие мелочи. Сейчас главной задачей для Алехандры стало угодить отцу. Это ради него она переодевалась крестьянским мальчиком и в таком обличье отправлялась на разведку собирать важные сведения. Ведь, кроме отца, близких у нее не осталось.

Вдруг Люсьен Говард заметил Алехандру и вскинул руку в приветственном жесте. Очень вежливо, очень по-английски. Такой человек, без сомнения, будет помнить о хороших манерах, даже лежа на смертном одре.

– Сегодня ночью мне нанес визит ваш друг Томеу, – между тем сообщил Люсьен.

Алехандра была так ошарашена, что не сразу нашлась с ответом.

– Что ж, ваша реакция отвечает на мой первый вопрос, – произнес Люсьен, усаживаясь на скамейку. – Откровенно говоря, я подозревал, что это вы его подговорили, но теперь вижу, что это не так.

– Что сказал Томеу?

В голове сразу пронеслась тысяча вариантов. Есть много вещей, о которых Томеу следовало помалкивать, и Алехандра от всей души надеялась, что он не рассказал англичанину ни об одной из них.

– Говорит, вы были замужем за его родственником, но брак продлился всего месяц.

– Да, замужем я была недолго, – кивнула Алехандра и ощутила досаду, когда при этих словах голос ее предательски дрогнул.

– Еще Томеу поведал, что делал вам предложение, однако вы ответили отказом.

У Томеу слишком длинный язык, подумала Алехандра.

– Увы, мой друг слишком болтлив.

– Чего не скажешь о вас. Кстати, Томеу намекнул, что вам здесь угрожает опасность.

Алехандра рассмеялась.

– Опасность окружает нас, партизан, со всех сторон, капитан. Вражеские войска численностью триста тысяч человек под командованием императора, желающего подчинить своей власти всю Европу!

– У меня сложилось впечатление, что Томеу имел в виду опасность, угрожающую не всему отряду, а лично вам.

– Мне?

Алехандра сообразила, о чем шла речь. Те же аргументы Томеу приводил в споре с ней, и закончилось дело тем, что она сломала ему запястье – не нарочно, разумеется.

– Томеу бы следовало поучиться держать язык за зубами, а у вас я никакой помощи не прошу. Напротив, это вам требуется моя помощь.

– Томеу предупредил, что дорога на запад будет трудной. Влияние, которым обладает ваш отец, многих настроило против него. Эти люди не прочь сами заполучить такую же власть. И похоже, Томеу в числе этих честолюбивых мечтателей.

Александра улыбнулась:

– Когда отец еще раз спросит, готовы ли вы принять участие в борьбе за независимость Испании, отвечайте «да», даже если ни в чем подобном участвовать не собираетесь.

– Потому что в противном случае Эль Венгадор меня убьет?

– Отец считает, что ему нужно достичь очень многих целей при очень малых ресурсах. Для него все окружающие – либо средство к достижению этих целей, либо сама цель. Капитан, ваша жизнь зависит от того, насколько вы привыкли исполнять данные обещания. Даже если никогда не нарушаете слова, советую на этот раз отойти от данной привычки.

– Стало быть, клятвам у вас в Испании грош цена?

– Даже меньше, чем грош. Увы, порядочность стала одной из первых жертв войны.

Наконец Люсьен кивнул, и Александра испытала огромное облегчение.

– Когда была жива ваша матушка... – начал было английский капитан, но она не дала ему договорить.

– Через несколько дней мы отправляемся в дорогу, на запад. С нами поедут еще двое. Отец позаботится о том, чтобы вам выдали теплую зимнюю одежду и крепкие сапоги.

Это было очень кстати, поскольку у сапог Люсьена давно уже треснули подошвы, подумала Александра. Просто позор, что бойцы армии такой великой страны идут в бой в столь хлипкой обуви.

– Первый отрезок нашего пути проходит через горы, а значит, вы должны быть достаточно сильны и крепки, чтобы преодолевать подобные препятствия.

Александра невольно окинула взглядом совершенно ровную и прямую тропинку между оливами. Одно дело – пройти по ней, и совсем другое – взбираться на гору. Собственный план начинал казаться Александре все более и более сомнительным. Девушка тяжело вздохнула.

Нет, не для того капитан Люсьен Говард выжил в смертельном бою и оправился после тяжелых ранений, чтобы умереть в пути. Похоже, по выражению лица Александры англичанин догадался, о чем она думает. Во всяком случае, он понимающе улыбнулся. До чего же обаятельная у него улыбка! Александра даже подосадовала, что во внешности англичанина нет ни малейшего изъяна. Ах, если бы он был некрасив, или стар, или на лице у него был шрам! Но нет – Люсьен был поразительно хорош собой. Силен... смел... просто неотразим... и умен. Пожалуй, последнее качество хуже всех, подумалось Александре. Англичанин настолько проницателен, что способен читать чужие мысли и распознавать мотивы других людей. А главное – использовать полученные знания для своей пользы.

– Не волнуйтесь, к тому времени окрепну. Силы ко мне возвращаются.

Люсьен представил, как вернется домой, в безопасный и не затронутый войной мирок английского высшего света. Однако ничто не поможет скрыть то, что после пережитого на войне Люсьен отличается от тех, кто на ней не был. Никто из светских щеголей не в состоянии будет его понять. Да и унижительная жалость Люсьену была вовсе ни к чему. Порой ему казалось, что он все больше и больше отгораживается от своего круга, будто выстраивает между аристократами и собой стену. Но стена эта не из прочных кирпичей, а из детских кубиков, и в любой момент может обрушиться.

Но здесь, в свете испанского зимнего утра, под серо-зелеными листьями оливы все было по-другому. Здесь Люсьену не нужно было ничего изображать и притворяться тем, кем он не был, и это его очень радовало.

Если бы не Алехандра, издали наблюдая за его тренировками, у Люсьена не хватило бы духу предпринять еще одну попытку снова подняться на ноги и сделать шаг, несмотря на то что все тело мучительно ныло. Эта девушка бросила ему вызов, одним своим присутствием она заставляла его действовать.

Набрав полную грудь воздуха, он поднялся со скамьи и остался стоять.

– Завтра сам дойду до дома.

– Уверены, что сможете преодолеть двести ярдов, сеньор? – с сомнением в голосе спросила Алехандра.

– Еще и обратно дойду, – заверил ее Люсьен и улыбнулся.

Неожиданно Алехандра заулыбалась в ответ. В зеленых глазах промелькнули веселые искорки, а ямочки на обеих щеках проступили отчетливее.

Люсьен представил девушку в лондонском бальном зале, нарядно одетую и с замысловатой прической. Ей пойдет красное платье, подумалось Люсьену. Такая женщина должна быть одета ярко, пусть сразу притягивает к себе все взгляды.

– Если и впрямь пройдете такое расстояние, англичанин, принесу вам бутылку лучшего агуардиенте де орухо.

– Это тот самый напиток, который мы называем «горящей водой»? – уточнил Люсьен. – Премного наслышан, но ни разу не пробовал.

– Только смотрите не переусердствуйте, а то на следующий день проспите до заката, тем более что вы к этому напитку непривычны. Но если будете соблюдать меру, он, напротив, придаст вам сил.

– Может, составите мне компанию? Покажете, как и сколько нужно пить...

Алехандра подняла голову и посмотрела Люсьену прямо в глаза:

– Возможно.

Вечер Люсьен провел на полу своей комнаты, делая упражнения и пытаясь взбодрить долго пребывавшие без работы мышцы плеч и спины. Постепенно мускулы вспоминали привычные и давно отработанные движения, и все же после долгой болезни Люсьен порядком ослаб. Стоило чуть добавить нагрузки, как его от усталости начинала бить дрожь. Это вызывало у Люсьена досаду.

Капитан представил, как идет от деревьев к дому и обратно. Сначала пройдет мимо первой оливы, потом свернет на тенистую дорожку, по обеим сторонам которой растет лаванда. Двести ярдов туда, двести обратно, и еще вдобавок ступеньки крыльца. Он справится. Главное – верить в свои силы.

Тут внимание Люсьена снова привлекли зарубки на известке под окном. Приглядевшись поближе, он попытался разгадать их смысл, систему. Зарубок оказалось больше, чем Люсьен увидел, лежа на кровати. Между большими и широкими обнаружили маленькие, едва заметные. Двадцать девять. Тридцать одна. Пятнадцать. Что это – дни? Люсьен принялся быстро считать. Похоже, перед ним два полных месяца – февраль и март. 1808 год был високосным, поэтому все сходилось. Но зачем незнакомцу понадобилось делать эти отметки?

Тут до Люсьена донесся тихий, приглушенный звук из-за стены. В соседней комнате кто-то плакал. Не оставалось никаких сомнений, что это Алехандра. Именно ей принадлежала спальня за толстой каменной стеной.

Встав с пола, Люсьен приложил ухо к каменной стене. Вскоре всхлипывания стихли. Казалось, Алехандра почувствовала его присутствие и не захотела, чтобы он узнал о допущенной ею слабости. Люсьен замер, не решаясь даже дышать.

Алехандра чувствовала его сквозь слой известки и камня. Он был здесь, всего в футах от нее. На этом же месте Алехандра стояла все те месяцы, которые в этой комнате провел

Хуан, перед смертью отбывавший наказание за измену. Хуан был пленником ее отца. За то, что предал общее дело, он должен был понести суровую кару.

Если отец решит, что от капитана Люсьена Говарда тоже нужно избавиться, Алехандра не сумеет ему помешать. А значит, необходимо как можно скорее отправиться на запад. Между тем стемнело, птицы перестали петь и повисла напряженная, настороженная тишина. Хуан лишился дара речи и потерял левую руку, но сумел продержаться два зимних месяца и первые несколько недель весны. Каждый день Алехандра молилась, чтобы наступил конец его страданиям, и отмечала зарубкой на стене новые сутки, когда этого не происходило.

Ее отметки до сих пор были на месте, так и остались на стене даже после смерти Хуана, которая стала предупреждением и назиданием для всех.

Эль Венгадор никому не прощает предательства. Никто не может рассчитывать на снисходительное отношение – даже муж его единственной дочери. Хуан умер, сжимая в руке четки. По крайней мере, эту милость Эль Венгадор ему оказал.

С тех пор прошел год. Тогда военные действия еще не были такими активными, как сейчас. Алехандра пересекла комнату и достала карты северных гор, которые нашла у Люсьена Говарда, когда обнаружила его, раненного, на поле боя. Карты были очень точными и подробными. С таким четким руководством переход через Кантабрийские горы не составит для армии проблемы. Хорошо, что эти драгоценные бумаги не угодили в руки врага. Алехандра удивилась, почему французы не догадались обыскать седельные сумки Люсьена и забрать эти сокровища, прежде чем бросить их владельца на произвол судьбы.

Впрочем, в пылу битвы думать некогда. Судя по нанесенным Люсьену ранам, те, кто на него напал, очень спешили. Они не стремились нарочно его убить, а рубили мимоходом, второпях.

Алехандра понимала, что ей следовало бы отдать карты в руки отца, но что-то ее останавливало. Ему не требуется дополнительная информация, чтобы расправиться с еще большим количеством людей. И то, как сама Алехандра относилась к французам, не имело значения. Это были английские карты, и именно англичане имели право пользоваться преимуществами, которые они давали. По дороге на запад Алехандра вернет их капитану, чтобы он отвез свои ценные документы домой, а отцу ничего говорить не станет. Пусть эти карты станут хотя бы маленькой компенсацией за то, что Люсьен Говард прибыл в Испанию со слишком малочисленной армией – не говоря уже о полученных в бою ранениях.

Алехандра уже устала беспокоиться за этого человека и защищать его от отца, который явно невзлюбил незваного английского гостя. Уже несколько недель она почти не спала, опасаясь, что наутро обнаружит его в постели с перерезанным горлом, или окажется, что он исчез из комнаты.

Алехандре не нравилось, что она так сильно изводится из-за постороннего человека. Но, как бы она ни старалась отвлечься, не находила себе места, пока с облегчением не убеждалась, что капитан Люсьен Говард по-прежнему цел и невредим.

Тут раздался стук в дверь.

– Кто там? – спросила Алехандра.

– Это я, твой отец. Можно войти?

Поспешно спрятав карты в ящик стола, она вытерла глаза и щеки рукавом. От этого кожа лица покраснела, а значит, порозовевшие веки не будут так бросаться в глаза. Только после этого Алехандра щелкнула замком и открыла отцу. Энрике Фернандес де Кастро зашел внутрь и медленно закрыл за собой дверь. К сожалению, он сразу заметил настроение дочери.

– Будь сейчас с нами твоя мать... – начал было он, но Алехандра лишь отмахнулась, и отец не стал продолжать.

Розалия Санто-Доминго де Гименез давно уже стала единственным, что объединяло отца и дочь. Любовь к доброй, смелой женщине и уважение к ее памяти – вот и все, что у них оста-

лось общего. Оба переживали ее смерть по-своему. Отец вымещал бессильный гнев, углубившись в военные дела, Алехандра же замкнулась в себе, глубоко забившись в свою скорлупу.

– Английский граф идет на поправку, – произнес Эль Венгадор. Тон его был не вопросительным, а утвердительным. – Слышал, о нем отзываются как об умном и очень проницательном человеке. А какое у тебя сложилось мнение об этом человеке?

– Думаю, Люсьен Говард – человек порядочный и ему можно доверять. Он сумеет тебе помочь в Лондоне.

– Этот англичанин может быть опасен. Особенно для тебя – это ведь ты повезешь его на запад. Пусть его сопровождает кто-нибудь другой.

Алехандра знала: если будет настаивать, что должна ехать с Люсьеном Говардом, Эль Венгадор сразу начнет искать для него других провожатых. Поэтому Алехандра сочла за лучшее промолчать.

– Томеу говорит, этот Говард видит людей насквозь. Читает мысли, будто колдун.

Алехандра рассмеялась:

– Неужели ты веришь в колдунов?

– Я верю, что этот человек совсем не прост, и неизвестно, чего от него ожидать. Поэтому мы должны быть очень осторожны, дочь. Нельзя допустить, чтобы англичанин узнал о нас слишком много.

– Ты про расположение дома и про то, сколько людей его охраняет?

– Будете выходить – завяжи ему глаза. Не хочу, чтобы он запомнил, где у нас ворота и мост. Или заметил хижину у реки.

– Как скажешь.

– Проводишь его до Коркубиона и сразу поворачивай обратно. Наверняка там он сможет сесть на корабль до Англии. Думаю, идти дальше нет необходимости.

– Но родные Адана живут в Понтеведре.

– До Понтеведры придется добираться почти неделю, да еще и по горным тропам. Нет, хочу, чтобы ты вернулась как можно быстрее.

– Хорошо, – послушно ответила Алехандра, хотя ее не радовала перспектива вести Люсьена в опасный портовый город.

– Вот деньги, – произнес Эль Венгадор, протягивая дочери тяжелый кожаный кошелек, горловина которого была перевязана веревочкой. – Этот английский шпион дорого мне обошелся. Если в пути будут основания полагать, что он того не стоит, просто убей этого типа. Такие же распоряжения я дал Адану и Маноло. И вообще, если возникнут какие-то непредвиденные осложнения, не тяни, сразу действуй. В дорогу отправляетесь через три дня.

– Но он еще недостаточно окреп, отец.

– Не сможет идти – пусть пеняет на себя. Поняла, дочь? Мое терпение кончилось.

– Поняла.

Ситуация была предельно ясна – отец желал как можно скорее избавиться от английского пленника, и ему совершенно безразлично, отослать Люсьена Говарда в Англию или убить его.

– Отправимся в дорогу, когда стемнеет, – прибавила Алехандра. – Ночью идти безопаснее.

– Хорошо. Завтра еще до рассвета я отбываю в Бетансос и вернусь только через неделю. Поэтому передай англичанину, что в самое ближайшее время с ним выйдет на связь наш человек.

– Обязательно.

Эль Венгадор улыбнулся и на какую-то секунду снова стал похож на милого, доброго папу, каким был когда-то. Давным-давно Алехандре не приходилось видеть его таким.

– Ну, иди с Богом, Алехандра.

Отец кивнул и вышел из комнаты. Постепенно стук каблуков его сапог по плиточному полу стих. Выходит, у Алехандры есть всего три дня, чтобы подготовить английского капитана к трудному походу. Конечно, хорошо, что им не придется идти по горам и весь их путь будет пролегать вдоль побережья. Люсьену будет гораздо легче. Но в горах легче укрыться. В этой части страны жили родные Хуана, семейство Диего де Бетанкуров. Поэтому особенно важно, чтобы их маленькую процессию не заметили.

Алехандра подумала, с каким трудом англичанину дались те жалкие несколько шагов, которые он сделал сегодня. Прошел совсем чуть-чуть и так устал, что вынужден был долго отдыхать. Но через три дня он уже не сможет позволить себе такой роскоши.

Люсьен набрал полную грудь воздуха. Утро выдалось ясным, но холодным. Алехандра стояла рядом и смотрела на него.

– Не ходите за мной, – велел он, когда девушка сделала первый шаг вместе с ним. – Ждите здесь. Я сам к вам вернусь.

– Выпейте орухо, сеньор. Хотя бы согреетесь. Сегодня Люсьен чувствовал себя гораздо лучше.

Возможно, еще и потому, что в этот день он впервые за долгое время сытно позавтракал.

Люсьен обратил внимание на темные тени, залегшие под глазами Алехандры. Выходит, он ей все-таки небезразличен. Пройдя по выложенной камнем дорожке, Люсьен добрался до трех ступенек. Перед ними он остановился и сделал глубокий вдох. К этому моменту он уже обливался потом. Подниматься вверх гораздо труднее, чем идти по гладкой, ровной садовой дорожке.

Но вот он наконец шагнул на террасу. Обернувшись, Люсьен нашел взглядом Алехандру. Она стояла неподвижно возле одной из олив, соединив руки в молитвенном жесте. Пальцы ее были сплетены так плотно, что Люсьен сразу догадался – девушка не сомневалась, что он упадет.

Он улыбнулся Алехандре, и она улыбнулась в ответ. Что ж, самая трудная часть пути преодолена. Обратная дорога будет гораздо легче. Люсьену даже не понадобилось присаживаться, когда он дошел до олив. Он просто остановился, снял с головы шляпу и взял у девушки украшенный резьбой бокал.

– Salud.

– Ваше здоровье, – ответил Люсьен на английском, и они чокнулись бокалами. При этом немного орухо выплеснулось через край и окропило траву. Люсьен был окрылен своими успехами. Завтра он попробует пройти еще большее расстояние, а послезавтра побьет собственный рекорд.

– Через два дня отправляемся на запад.

Так скоро? Алкогольный напиток обжег горло. Люсьен ощутил легкую тошноту, однако не подал виду и сделал еще один глоток. Несмотря на сегодняшний успех, Люсьен даже вообразить не мог, что два дня спустя будет карабкаться по Кантабрийским горам или крутым склонам Галисии. Нет, он будет просто не в состоянии изображать бодрость и силу в длительном переходе.

– Не сможете идти – вас пристрелят. Так приказал отец.

Люсьен осушил бокал и протянул его Алехандре, чтобы налила еще.

– Надеюсь, вы меня сейчас не ядом поите.

– У отца много врагов, да и французы по-прежнему здесь. Но мы изучили эту местность, как свои пять пальцев, – скрытые от посторонних глаз тропы, укромные места и так далее. Кроме того, мы будем вооружены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.